

уроженец Иван Массин и поляк Бернард Массин». А на с. 179–180 снова появляется итальянский (сардинский) сыровар Иван Массимо, который в 1851 г. принял российское подданство. Кратко рассказано о его жизни в России уже без всякого упоминания о польском однофамильце.

Несмотря на высказанные замечания, монография А.В. Тихоновой является новым ценным вкладом в изучение проблем многообразных связей Российской империи со странами Западной Европы в первой половине XIX в. Думается, что это исследование может быть с успехом продолжено на материале других хронологических периодов.

А.А. Орлов

Примечания

¹ Миловидов Б.П. Использование военнопленных 1812 г. на работах: тенденции правительственной политики // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XVI Международной научной конференции, 6–7 сентября 2010 г. Можайск, 2011. С. 163–190.

² См., например: *Mosse W.E. The Rise and Fall of the Crimean System 1855–1871. The Story of a Peace Settlement.* L.; N.Y., 1963.

³ См., например: *Taylor A. J.P. The Struggle for Mastery in Europe 1848–1918.* Oxford, 1957. (Рус. пер.: *Тэйлор А. Борьба за господство в Европе 1848–1918 гг. М., 1958.*)

⁴ Тихонова А.В. Швейцарские предприниматели и создание промышленного сыроварения в Смоленской губернии в XIX – начале XX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2008. М., 2009. С. 82–102; *она же.* Швейцарские учителя в России первой половины XIX в. // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 142–147; *она же.* Паспортный режим в Российской империи в отношении швейцарских граждан (первая половина XIX в.) // История государства и права. 2011. № 17. С. 39–43; *она же.* Эмиграция из Швейцарии в первой половине XIX в. // Новая и новейшая история. 2011. № 1. С. 203–209; *Козлов О.В., Тихонова А.В.* Швейцарские учителя и гувернёры в Смоленской губернии в первой половине XIX в. // Российская история. 2013. № 2. С. 127–133.

⁵ Бюрократическая ошибка могла надолго испортить человеку жизнь. Так произошло со шведом Иваном Рейсом, служившим в поместье гр. Н.П. Панина при его сыне «дядькой». В 1793 г., когда Рейс приехал в Россию, в паспорте его ошибочно назвали французом, посчитав Стокгольм французским городом. Несчастный швед пережил множество неприятностей во время русско-французских войн конца XVIII – начала XIX в. (с. 44).

А.П. Бородин. Пётр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус. М.: Алгоритм, 2013. 448 с.

В последние годы вслед за научными исследованиями и обобщающими работами по истории российского консерватизма всё чаще появляются монографии, в которых исследуются взгляды, государственная и политическая деятельность отдельных русских консерваторов, в том числе С.Н. Глинки, гр. А.Х. Бенкендорфа, гр. С.С. Уварова, К.П. Победоносцева, Л.А. Тихомирова, В.М. Пуришкевича, В.В. Шульгина и др.¹ Личность П.Н. Дурново – главы Министерства внутренних дел в дни революции 1905 г., а затем многолетнего лидера правой группы Государственного совета и автора «пророческой» («Записки», поданной Николаю II накануне Первой мировой войны –

давно заслуживала отдельной книги. Как и следовало ожидать, написал её доктор исторических наук А.П. Бородин, хорошо знакомый специалистам как автор обстоятельной монографии о Государственном совете Российской империи 1906–1917 гг. и, пожалуй, на сегодняшний день самой лучшей статьи о П.Н. Дурново, увидевшей свет 13 лет назад². Естественно, выход новой книги известного историка позволял надеяться на то, что историческая наука обогатится глубоким и насыщенным богатым фактическим материалом трудом.

Однако по прочтении монография А.П. Бородина оставляет двойственное впечатление. Название ей дано (возможно, не автором, а издательством³) явно не-

удачно. Во-первых, публикация с похожим заголовком уже выходила⁴, во-вторых, трудно найти хоть что-то общее между отличавшимся большими аналитическими способностями русским консерватором и французским астрологом, алхимиком и предсказателем. Если же это просто коммерческий ход, то он кажется довольно странным: читателя, интересующегося личностью П.Н. Дурново, имя Нострадамуса может лишь оттолкнуть, а тот, кто купит книгу исключительно потому, что Дурново – это «русский Нострадамус», будет явно разочарован.

По своей структуре исследование очень напоминает предшествующую монографию А.П. Бородина о П.А. Столыпине⁵. Это также не цельная биография, а ряд тематических очерков, связанных общим героем («П.Н. Дурново и Николай II», «П.Н. Дурново и П.А. Столыпин», «П.Н. Дурново и Государственная дума», «П.Н. Дурново и еврейский вопрос», и т.д.). Такой подход имеет как свои достоинства, например, удобство использования книги при поиске информации по конкретной проблематике, так и недостатки, в частности, нарушение целостности повествования, лишённого хронологической последовательности, и неизбежные повторы одних и тех же цитат. При этом главы не равноценны ни по качеству представленного в них материала, ни по объёму. Некоторые из них насыщаются десятками страниц («Во главе Министерства внутренних дел», «В Государственном совете»), тогда как другие – не более двух («П.Н. Дурново: имущественное положение», «Болезнь и смерть»). Ряд разделов весьма информативен и представляет большой научный интерес («Род. Родители. Семья», «Кадет Пётр Дурново», «П.Н. Дурново: политический облик» и некоторые другие), но иные либо бедны информацией, либо (как глава «Морской кадетский корпус в 1850–1860-е годы») слишком уж далеки от основного сюжета книги.

Удивляют и некоторые ремарки автора. Так, в очень добротном, богатом новыми источниками и сведениями очерке «Род. Родители. Семья» он сообщает, что П.Н. Дурново родился 23 ноября 1842 г. и, перечисляя его восприемников при крещении, неожиданно добавляет: «1842

год – по китайскому гороскопу – год водяного тигра» (с. 19). После этого следует сноска, в которой на полутора страницах цитируется китайский гороскоп. Остаётся загадкой, почему читателям необходимо знать, в какой год по китайскому, а не, например, по японскому или майя, календарю родился П.Н. Дурново, который, наверное, об этом даже не догадывался, но зато как человек верующий наверняка знал, на день памяти каких православных святых приходится его рождение.

Есть в работе и явные неточности. Так, в разделе «П.Н. Дурново и СРН» без всякой оговорки приводится цитата из воспоминаний В.М. Андриевского, писавшего, что Союз русского народа возник в Москве в доме гр. П.С. Шереметева (с. 188), хотя мемуарист, очевидно, просто перепутал СРН, зародившийся в Санкт-Петербурге, с Союзом русских людей в Москве. Касаясь скандальной истории с любовницей, стоившей Дурново карьеры, А.П. Бородин справедливо называет одного из участников этого инцидента секретарём бразильского посольства (с. 125), но в другом месте книги, в не критично приведённой цитате из дневника А.А. Киреева, дипломат оказывается уже «португальским» (с. 140).

Нельзя не отметить, что автор монографии прекрасно владеет едва ли не всеми известными (а зачастую и малоизвестными) опубликованными источниками, освещающими взгляды и деятельность П.Н. Дурново. Он буквально «выскреб» все доступные сведения о своём герое из многочисленных мемуаров и дневников, использовал стенографические отчёты Государственного совета. Были исследованы и материалы из фондов ГА РФ, РГАДА, РГИА, РГАЛИ, РГА ВМФ, НИОР РГБ. Но при этом А.П. Бородин, к сожалению, практически не использовал, за исключением пары некрологов, публикации дореволюционной периодической печати, в то время как именно они позволили бы заполнить некоторые лакуны в биографии П.Н. Дурново и конкретизировать его позицию по ряду вопросов. Вызывает недоумение и полное игнорирование историком публикаций, вышедших в последнее десятилетие. Между тем за эти годы появилось немало статей, непосредственно

посвящённых П.Н. Дурново⁶, а также общих работ, в которых ему уделено довольно много внимания⁷. В результате, некоторые эпизоды из биографии Дурново, уже проработанные историками, оказались в книге недостаточно освещёнными. К примеру, характер и обстоятельства появления известной «Записки» о последствиях надвигавшегося германо-русского военного конфликта, поданной императору лидером правой группы Государственного совета в феврале 1914 г., уже анализировались в историографии, однако в книге А.П. Бородина результаты этих исследований не нашли отражения.

Тем не менее автор, безусловно, проделал нужную и очень трудоёмкую работу. Первопроходцем быть всегда тяжело, а до появления в свет книги А.П. Бородина никто ещё не предпринимал попытки охватить с достаточной подробностью весь жизненный путь П.Н. Дурново. Бородин попытался это сделать, создав непредвзятую, свободную от идеологических штампов биографию этого незаурядного человека. Отдельные сюжеты освещены им очень хорошо, другие – хуже, хотя уже то, что в данной работе собрана воедино большая часть известных на сегодняшний день сведений о жизни и личности Петра Николаевича, является несомненным вкладом в отечественную историческую науку. Но всё же вместо целостной биографии П.Н. Дурново получились скорее материалы к биографии – порой очень интересные, имеющие несомненную научную ценность, с важными и аргументированными авторскими комментариями. Сам факт появления этой монографии можно только приветствовать. Перед историками, которые в будущем возьмутся за написание биографии П.Н. Дурново, ею поставлена планка, преодоление которой без привлечения новых источников и изучения новейших исследований будет невозможно.

А.А. Иванов

Примечания

¹ Бибииков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009; Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010;

Иванов А.А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб., 2011; Репников А., Милевский О. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011; Бабков Д.И. Государственные и национальные проблемы в мировоззрении В.В. Шульгина в 1917–1939 гг. М., 2012; Лунарева Н.Н. «Отечественнолюб»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки. Воронеж, 2012; Пайнс Р. Сергей Семёнович Уваров. Жизнеописание. М., 2013.

² Бородин А.П. Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999; он же. П.Н. Дурново: портрет царского сановника // Отечественная история. 2000. № 3.

³ К сожалению, нельзя не отметить крайне низкое качество редакторской работы: в фамилиях авторов, упоминаемых А.П. Бородиным, постоянно встречаются загадочные пробелы; номера страниц, указанные в оглавлении, не всегда соответствуют реальному расположению глав в книге; корректор, судя по всему, над книгой не работал вовсе.

⁴ Российский Нострадамус / Публ. И. Губарева // Родина. 1993. № 8/9. С. 10–13.

⁵ Бородин А.П. Столыпин: Реформы во имя России. М., 2004.

⁶ Степанов А.Д. Дурново П.Н. // Чёрная сотня: историческая энциклопедия. М., 2008. С. 192–194; Шилов Д.Н. Дурново П.Н. // Государственный совет Российской империи. 1906–1917: энциклопедия. М., 2008; С. 86–88; Искра Л.М. Дурново П.Н. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в. Энциклопедия. М., 2010. С. 165–167; Дёмин В.А. Дурново П.Н. // Пётр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия. М., 2011. С. 171–174; Иванов А.А. «Лебединая песня» П.Н. Дурново: выступление лидера правой группы Государственного совета 19 июля 1915 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2011. № 1. С. 53–60; Макдональд Д. Записка Дурново: официальный консерватизм и кризис самодержавия // Величие и язвы Российской империи. Международный научный сборник в честь 50-летия О.Р. Айрапетова. М., 2012. С. 271–299 и др.

⁷ Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001; Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004; Дёмин В.А. Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. М., 2006; Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007; Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга – Петрограда (Конец XIX – начало XX века). СПб., 2007; Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013.

Написанная на фундаментальной источниковой базе новая монография А.П. Бородина охватывает весь жизненный путь П.Н. Дурново и раскрывает черты его непростого характера. Пётр Николаевич, безусловно, был волевым человеком, нацеленным на карьеру и к тому же испытывавшим зависимость от жалованья, поскольку богатствами его семья не располагала (с. 305–306). При этом, как часто бывает с широкими натурами, имел он и сильные страсти: был известным дон-жуаном и азартным игроком (с. 135). Не удивительно, что его карьера изобиловала лихими поворотами, каждый из которых давал ему бесценный жизненный опыт. Будучи гардемаринем и морским офицером, он избороздил Атлантический и Тихий океаны, подолгу бывал в Европе, Северной и Латинской Америке, Восточной Азии, затем по материальным и карьерным соображениям перешёл в судебное ведомство, а отсюда в 1881 г. – в Министерство внутренних дел, где очень быстро доказал директору Департамента полиции В.К. фон Плеве свою распорядительность и работоспособность. Благодаря его усилиям произошло резкое уменьшение числа поднадзорных (с 12–15 до 2 тыс.). Отправившись в зарубежную командировку, он лично изучал устройство полиции европейских стран (с. 106–108). Функционирование недавно созданного Департамента тогда ещё только налаживалось, и Дурново активно включился в этот процесс. Не случайно именно он стал директором после назначения в 1884 г. Плеве товарищем министра. А.П. Бородин приводит свидетельства, характеризующие деятельность Дурново на этом посту с лучшей стороны. Тем удивительнее выглядит его неожиданная отставка в 1893 г.: по жалобе иностранного дипломата, без выяснения обстоятельств и каких бы то ни было объяснений (с. 125–126). В царствование Александра III решения принимались просто, а людьми разбрасывались легко.

Однако, как показывает Бородин, уже в 1899 г. Дурново, получивший нужную ему денежную сумму, вошёл в сговор с С.Ю. Витте (с. 136) и вернулся на службу

в Министерство внутренних дел. Витте нужен был негласный союзник в наиболее значимом ведомстве империи. Однако Дурново оказался не тем человеком, который мог бы быть чьей-то креатурой. Его назначили товарищем к Д.С. Сипягину, и в силу своих деловых качеств он быстро стал его правой рукой. В товарищах Дурново оставался и при трёх преемниках Сипягина. Ходили слухи, что Пётр Николаевич в интересах Витте играл против Плеве, своего давнего начальника и соратника (с. 132–132). Но скорее всего это было сильным преувеличением. А когда после убийства Плеве собранный им компромат на Витте оказался в руках Дурново, тот получил возможность изменить «правила игры». Не исключено, что в октябре 1905 г. он шантажировал возглавившего правительство Витте, добываясь от него поста министра внутренних дел (с. 136–137, 139).

До своего назначения министром Дурново пользовался репутацией либерала. Вероятно, она сложилась ещё в 1880-х гг., когда его гибкая полицейская политика могла напомнить методы времён М.Т. Лорис-Меликова. Накануне событий 9 января 1905 г. Дурново также выступал против применения оружия при разгоне демонстраций. Позднее он вёл интригу против Д.Ф. Трепова, упрекая его в реакционности (с. 137), а потом вполне мог поставлять ему через И.Л. Горемыкина, А.В. Кривошеина и В.Ф. Трепова компромат на Витте (с. 199–200). Заветной целью Петра Николаевича являлась должность председателя Совета министров. Однако весной 1906 г. достичь её было невозможно: отставка Витте без одновременной отставки министра внутренних дел стала бы символом реакции, а бросить своим противникам такой вызов власть не решалась. Основным же препятствием на карьерном пути Дурново, по мнению А.П. Бородина, был сам Николай II (с. 254). Царь знал о личных слабостях Петра Николаевича и, кроме того, считал его ставленником Витте, который так или иначе мог рассчитывать на возвращение с его помощью к власти. В дальнейшем Николай II неоднократно пользовался услугами Пет-

ра Николаевича, выступавшего в роли политического противовеса и авторитетного критика официального курса. В этом качестве Дурново был весьма выгоден и удобен, однако шансов вернуться в правительство у него не было. В результате, весной 1906 г. его преемником оказался молодой и малоизвестный саратовский губернатор П.А. Столыпин и вскоре он получил ту самую должность, о которой Дурново оставалось только мечтать. Мотив ревности в их отношениях играл в дальнейшем немалую роль.

Первая русская революция заставила Дурново стать ярко выраженным охранителем. Он возражал против издания Основных государственных законов до полного завершения революции и настаивал на праве монарха по собственной воле вносить в них изменения, поскольку такой принцип не противоречил Манифесту 17 октября 1905 г. (с. 266–267). Развитие обороноспособности Пётр Николаевич считал более насущной потребностью, чем программа обязательного начального обучения (с. 284–286). Отмена ограничений для евреев, по его мнению, не решала проблему, а только провоцировала новые погромы (с. 274). Бородин утверждает, что отношение Дурново к крестьянскому вопросу диктовалось его представлением о мужике как заведомом враге (с. 279). Именно этим объяснялась и его позиция по проблеме западного земства. Автор монографии справедливо полагает, что этот законопроект был стратегически важен и отнюдь не являлся всего лишь поводом для антистольпинской интриги (с. 207–210). Те же соображения лежали и в основе критики целого ряда других правительственных и думских инициатив. В самом деле, целесообразно ли было проводить законопроект о волостном земстве, не дожидаясь первых результатов аграрной реформы и связанного с ней преобразования местного суда, одобренного Государственным советом и воплощавшегося на практике с начала 1914 г.? Правое крыло Совета далеко не всегда ошибалось, когда тормозило те или иные начинания. Правда, для того чтобы добиваться успеха, одной способности тормозить недостаточно.

Вслед за их современниками автор монографии противопоставляет Дурново

и Столыпина. По мнению Бородина, Пётр Николаевич был мудрее, поскольку осознавал необходимость подготовки к европейской войне и новой революции, настаивал на искоренении её «бродильных элементов» (в первую очередь кадетов), умело поддерживал черносотенное движение (с. 190, 281–283, 286–293, 432). Однако, во-первых, контрреволюционная деятельность Дурново в 1905–1906 гг. продолжалась недолго и в чрезвычайных обстоятельствах. Тем же путём вслед за ним пошёл и Столыпин – вплоть до достижения внешнего спокойствия в империи. В дальнейшем черносотенная энергия не могла не сойти на нет, а правительственная «подпитка» лишь разжигала внутренние распри среди лидеров правых организаций. Превратить их в стабильно функционирующие правительство могло, лишь проводя политику террора и социальной демагогии, однако только Первая мировая война легализовала массовое насилие и массовую пропаганду. В 1907 г. Столыпин мог ликвидировать Государственную думу, но не сделал этого, рассчитывая, что она станет опорой правительства. Весь европейский (а также американский и японский) опыт подсказывал это. Признаться себе в том, что Россия – не вполне Европа, премьер бы не смог.

Во-вторых, взгляды Столыпина менялись. Постепенно он отказался от той программы, которую огласил во II Думе, уже в 1909–1910 гг. сосредоточившись на более прагматичных и продуманных мерах: форсировании аграрной реформы, преобразовании местного суда, увеличении финансирования местного самоуправления и начального образования, введении земских учреждений в западных губерниях, создании системы рабочего страхования, повышении обороноспособности. Дурново как государственный деятель был хорошим стратегом, Столыпин – прагматиком, который нередко шёл вперёд на ощупь. Слишком велика была между ними разница в образовании и опыте. Один – юрист, знаток вопросов государственной безопасности и внешней политики, другой «естественник», полагавшийся в делах законодательства и полиции на чужое мнение, но являвшийся специалистом в аграрной и земской сферах. В отличие от

Столыпина, Дурново своим поместьем не занимался (с. 305–306).

Записка, написанная Дурново в феврале 1914 г., оказалась точным внутриполитическим прогнозом. Весьма точно нарисовал он и внешнеполитическую картину. За исключением одного: Пётр Николаевич не учёл особенностей характера Вильгельма II. В сентябре 1913 г. он уже пообещал Австро-Венгрии поддержку в войне против Сербии. В декабре в Константинополь прибыла миссия генерала О. Лимана фон Сандерса, который практически сразу перешёл на турецкую службу и возглавил военную подготовку османской армии. Германия уже контролировала Балтику, теперь она получала ключи от Чёрного моря – два главных торговых пути России оказывались под немецким контролем. Резкое усиление позиций Германии на Балканах и в Османской империи создавало потенциальную угрозу русским интересам в Персии и Средней Азии. Русско-британское соперничество в ближайшей перспективе могло смениться русско-германским. 24 февраля (9 марта) 1914 г. началась антирусская кампания в германской прессе. В июне 1914 г. завершилась реконструкция стратегически важного для Германии Кильского канала. С этого времени Германия стала готова к войне на два фронта. Её противники оказались значительно слабее. Необходим был лишь повод. Сараевское убийство про-

изошло всего несколькими днями ранее. Никто не спрашивал Россию, хочет ли она войны – её поставили перед фактом.

Как и предупреждал Дурново, длительная война резко усиливала революционную угрозу в России. Однако принципиальным новшеством в сравнении с событиями 1905 г. стало то, что новая революция пришла в Россию в тоге «патриотической тревоги». Дурново скончался в полдень 11 сентября 1915 г. от паралича сердца после чтения газет (с. 307–308). В тот день утренние газеты писали о том, что декларация Прогрессивного блока была поддержана на съездах Земского и Городского союзов. Это означало, что в своих антиправительственных настроениях парламентское большинство получало полную поддержку со стороны крупнейших общественных организаций (существовавших, к стати, на казённые субсидии). Пётр Николаевич не мог не знать, что и большинство министров были настроены на сотрудничество с блоком. Оставалось лишь «продать» И.Л. Горемыкина и монарха, которых Дурново отнюдь не считал волевыми натурами. Апокалиптические образы из его знаменитой записки 1914 г. начинали оживать.

Биографическое исследование А.П. Бородин даёт обширный материал и богатую пищу для размышлений. А это всегда было главным достоинством хорошей книги.

Ф.А. Гайда

С. Шаттенберг. Инженеры Сталина: жизнь между техникой и террором в 1930-е гг. М.: РОССПЭН, 2011. 478 с.

Книга немецкого историка Сюзанны Шаттенберг, немецкое издание которой уже получило положительные отзывы зарубежных историков¹, посвящена жизни и мировосприятию советской технической интеллигенции 1930-х гг. Автор анализирует и социальные характеристики «инженеров нового типа» (их происхождение, образование, быт), однако в центре

её внимания – идеология и дискурс. Ключевые вопросы, на которое пытается дать ответ Шаттенберг, можно сформулировать так: как соотносились идеологические установки инженеров и идеология власти? Существовал ли между ними конфликт? Какие представления сформировались в этой профессиональной группе и почему?

Работа выполнена в Европейском университете в Санкт-Петербурге при поддержке гранта Правительства РФ (договор № 14.U04.31.0001) под руководством Марио Биаджолли.